

УДК 80 + 2

Г.В. Писарук

РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАГОРНОЙ ПРОПОВЕДИ ИИСУСА ХРИСТА КАК «УЧИТЕЛЬНОЙ» РЕЧИ

В статье представлен риторический анализ Нагорной проповеди Иисуса Христа (Библия, Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 5–7). Определены общериторические принципы «учительной» речи; описаны элементы риторической тактики, реализующие диалогичность общения адресанта с адресатом в устной монологической речи, убеждающий аспект его речевого поведения; выявлены стилистические особенности речи. Исследование может быть полезно для конструирования современной педагогической риторики.

Введение

Исследование библейского текста – глав 5–7 Евангелия от Матфея, представляющих собой проповедь¹ Иисуса Христа, известную в христианской традиции как Нагорная проповедь, с позиций риторики проведено с целью выделения ведущих принципов, главенствующих этических категорий организации «учительной» речи («учительной» – в значении «обращённой к ученикам») [7, с. 93]. Отдавая себе отчёт в том, что в христианской традиции речь пастыря – духовного отца и учителя – рассматривается как «особая ценность, как объект внимательного и осознанного охранительного отношения» [8, с. 62], мы тем не менее считаем, что выделение и формулирование текстообразующих стратегий евангельского текста позволит обогатить педагогико-риторическую копилку риторических принципов, строящих общение учителя с учеником и определяющих эффективность речи современного учителя в светском учебном заведении.

Исследование библейского текста проведено по Синодальному каноническому изданию Библии – переводу, сделанному в XIX веке с еврейского (Ветхий Завет) и греческого (Новый Завет) текстов московским митрополитом Филаретом и профессорами духовных академий России [2]. В отдельных случаях использован и «Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык», представляющий собой научную реконструкцию греческого оригинала, выполненную на основе Ватиканского кодекса; он был впервые издан в 1898 году Эберхардом Нестле [9].

Нагорная проповедь как «учительная» речь

Автор Евангелия, в котором находится Нагорная проповедь, – один из двенадцати учеников Иисуса Христа, бывший мытарь (сборщик податей для Рима), еврей по национальности и иудей по вероисповеданию Матфей Левий. Как считает христианская традиция, он излагал радостную весть («евангелион» с греч. – радостная весть) о пришествии Иисуса Христа собратьям-иудеям, которые ждали Мессию согласно предречённому в Ветхом Завете.

¹ Некоторые библеисты прошлого и настоящего считают, что Нагорная проповедь не является проповедью в прямом смысле, то есть произнесенной Христом в конкретном месте и в конкретное время, а представляет собой собрание высказываний Иисуса, которому искусно придана форма проповеди самим евангелистом. Мы же придерживаемся традиции считать речь Иисуса Христа, переданную евангелистом Матфеем, цельной проповедью.

Анализ евангельского текста позволяет утверждать, что Нагорная проповедь – это не первая проповедь Иисуса Христа. В гл. 4 сказано, что после искушения в пустыне Иисус, «оставив Назарет, пришёл и поселился в Капернауме приморском» (Мф. 4:13) и «начал проповедывать² и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17). Далее сказано: «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царства и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф. 4:23). Однако Евангелие Царства Иисус проповедовал всем людям, кто слушал его, а проповедь на горе (в Евангелии она не названа, но, согласно преданиям, это было традиционное место проповеди у северных берегов озера Галилейского – гора Рога Хаттины, которую теперь называют горой Блаженств) он адресовал конкретно своим ученикам: «Увидев народ, Он взшёл на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста, учил их, говоря...» (Мф. 5:1–2). В предыдущей главе евангелист указывает, что к тому времени у Иисуса Христа уже было несколько учеников: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцем их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4:18–22).

В другом Евангелии – Евангелии от Луки – сказано, что к тому времени у Иисуса Христа уже было двенадцать учеников: «В те дни взшёл Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого и назвал Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искарюта, который потом сделался предателем» (Лк. 6:12–17). Далее Лука в своём Евангелии описывает речевую ситуацию проповеди, содержательно схожей с Нагорной³, так: «...стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима, и приморских мест Тирских и Сидонских, Которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих, также и страждущие от нечистых духов; и исцелялись» (Лк. 6:17–18). Однако и здесь Иисус проповедовал не тем, кто просто пришёл послушать его или исцелиться. Евангелист Лука подчёркивает, что Иисус Христос проповедовал своим двенадцати ученикам: «И Он, возвед очи Свои на учеников Своих, говорил...» (Лк. 6:20).

В самом содержании проповеди, изложенной евангелистом Матфеем, Иисус не раз обращается именно к ученикам. Например, слова «Вы – соль земли... Вы – свет миру...» (Мф. 5:13, 14) явно адресованы не сотням иудеев, которые ходили толпами за красноречивым плотником из Назарета в ожидании чуда, а тем, кто уже уверовал в Евангелие Царства и в Иисуса Христа как Мессию. Можно сказать, что через полгода

² Здесь и далее при цитировании библейских текстов сохранена орфография и пунктуация Синодального канонического издания Библии. В цитатах воспроизводится также принятое в русской Библии выделение слов курсивом, перенесённое из греческого текста. Указание на соответствующее место библейского текста состоит из сокращённого названия книги, цифрового обозначения главы и (после двоеточия) цифрового обозначения стиха (или стихов).

³ Некоторые исследователи Библии считают, что проповедь, описанная евангелистом Лукой (Лк. 6:17–49), содержательно самостоятельна и не может быть идентична Нагорной проповеди, поэтому и саму проповедь называют «Проповедью на равнине».

после начала служения «от врачевания тел Иисус Христос переходит к врачеванию душ», – пишет истолкователь Евангелия учёный монах XII века Евфимий Зигабен [6].

Нагорная проповедь как риторическое целое

Общая идея Нагорной проповеди – провозглашение новых этических законов, которым необходимо следовать в практике христианской жизни. Считается, что Нагорная проповедь содержит самое сердце учения Иисуса Христа. Ключом ко всей проповеди можно считать слова «не уподобляйтесь им» (6:8). Суть всей проповеди Иисуса Христа сводится к тому, что его истинные последователи, его народ – граждане Царства Небесного, должны всем и во всём отличаться от всех остальных: каждой позицией в своей проповеди Иисус Христос подчёркивает различие между христианскими и нехристианскими нормами жизни, противопоставляя своих последователей и язычникам, и иудеям, в том числе и благочестивым верующим фарисеям⁴, и книжникам⁵. Поэтому можно сказать, что Нагорная проповедь как содержательно цельное речевое произведение есть новозаветное описание христианской контркультуры – жизни человеческой, но подчиняющейся божественным законам.

Для Нового Завета по степени важности Нагорная проповедь является тем же, чем были в Ветхом Завете Десять Заповедей, полученных Моисеем на горе Синай. Смысловая насыщенность небольшой по объёму речи (прочитать её можно менее чем за десять минут) очень высока, в ней реализован принцип аристотелевской риторики «говори то, что важно» и принцип насыщенности речи смыслом в риторическом идеале Сократа, что впоследствии в русской культуре сформулировано так: «Словам тесно, а мыслям просторно». Посмотрим, каков смысловой каркас Нагорной проповеди и как она организована структурно в единый текст – риторическое целое.

Открывается проповедь чётко выделяющимся *вступлением*, где Иисус излагает так называемые в христианской традиции «Заповеди блаженств», описывающие христианский характер: «Блаженны нищие духом... Блаженны плачущие... Блаженны кроткие... Блаженны алчущие и жаждущие правды... Блаженны милостивые... Блаженны чистые сердцем... Блаженны миротворцы... Блаженны изгнанные за правду... Блаженны вы, когда будут вас поносить и гнать за Меня...» (5:3–12). Эти заповеди не равнозначны, они выстроены последовательно и представляют собой, как пишет Евфимий Зигабен, «золотую цепь: всякий смиренный духом будет оплакивать свои прегрешения; оплакивающий будет кротким; кроткий будет, конечно, праведным; праведный будет милостивым; осуществивший всё это на деле будет также чист сердцем; и такой будет и миротворцем; кто шёл с успехом даже доселе, тот подвергнется опасностям, но великодушно перенесёт всё, что ни последует» [6, с. 51–52]. Девять фраз

⁴ Фарисеи (от древнеевр. отделившиеся) – представители самого многочисленного и могущественного общественно-религиозного течения в Иудее во 2 в. до н.э. – 2 веке н.э. Фарисеи были людьми благопристойного поведения, их характеризовало подчёркнуто строгое соблюдение как внешних установлений, предписанных Богом для евреев (см. Пятикнижие Моисея), так и множество других заповедей, которые они добавили к закону. Между тем внешняя благонравность фарисеев часто прикрывала их внутреннюю нечистоту, поэтому, по словам Иисуса Христа, со всеми своими благочестивыми правилами фарисеи были подобны окрашенным гробам (Мф. 23:26–28). В трёх Евангелиях записано предупреждение Иисуса Христа о том, что надо беречься «закваски фарисейской» (Мф. 16:6; Мк. 8:15; Лк. 12:1) и что праведность Его учеников должна превзойти праведность фарисеев. В активный словарь современного русского языка слово «фарисей» вошло с одним из значений «лицемер, ханжа».

⁵ Книжники – толкователи Священного Писания, учителя закона, богословы.

с идентичной синтаксической структурой и единоначатием в начале речи завораживают своим размеренным звучанием. Содержание заповедей и их форма являются тем самым «зацепляющим крючком» (выражение русского юриста и ора-тороведа конца XIX века А.Ф. Кони), который не может не привлечь внимание слушателей, что и является главной целью вступления любой публичной речи.

Далее во вступлении следуют обращённые к ученикам слова в форме двух развёрнутых метафор: «Вы – соль земли... Вы – свет мира...» (5:13–14). Эти слова парадоксальны с точки зрения смысла, поскольку Иисус называет солью и светом мира горстку палестинских рыбаков и крестьян. Однако логика проповеди в том, что именно такое доброе влияние на мир будут оказывать в дальнейшем слушатели, если проявят тот самый христианский характер, с описания которого началась речь. Этот повтор с синтаксическим параллелизмом и единоначатием с точки зрения римской риторики можно расценить как похвалу (риторический приём – комплимент) слушателям с целью расположения их сердец к тому, что будет сказано в дальнейшем.

В конце вступления следует фраза, риторическая задача которой – внушить слушателям-иудеям доверие к оратору, снять возможные сомнения в нём: «Не думайте (в греч. – не сочтите), что Я пришёл нарушить закон или пророков; не нарушить пришёл Я, но исполнить» (Мф. 5:17). Только после этого Иисус Христос приступает к основной – поучительной – части своей проповеди, в которой провозглашает суть новой праведности, не отменяющей или разрушающей ветхозаветную, но исполняющей или превосходящей её.

В *первой части* речи (5:21–48) свою позицию проповедник излагает в форме повторений «теза – антитеза», имеющих параллельное синтаксическое строение: «Вы слышали, что сказано древним... А я говорю вам...». Так построены фразы в стихах 21–22, 27–28, 31–32, 33–34, 38–39, 43–44, где Иисус Христос разоблачает фарисейскую интерпретацию закона. Требуя, чтобы закон исполнялся не только во внешних поступках, но в сокровенных глубинах человеческого сердца, Иисус даёт пять конкретных иллюстраций: убийство, прелюбодеяние, клятвонарушение, месть и ненависть к врагу. В этой части содержится смысловая кульминация проповеди – стихи 38–47, где говорится о необходимости проявлять любовь ко всем без исключения, даже к врагам. Завершается эта часть проповеди призывом следовать новому, только что провозглашённому закону и выводом по всей первой части проповеди: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

Вторая часть проповеди Иисуса Христа (гл. 6) посвящена провозглашению других духовных заповедей поведения Его последователей. В стихах 1–18, где говорится о религиозной праведности христиан в частной жизни, уже нет прямого «отталкивания» от ветхозаветных законов, но приверженность им осуждается в форме «антипримеров» из жизни иудеев и язычников. Говоря о тайных побуждениях, Иисус приводит три конкретных «антипримера» о мотивах милостыни, молитвы и поста.

Отношение Иисуса Христа к будничной суете (19–32), неизбежной в земной жизни, выражается с помощью представления альтернативных возможностей: два сокровища – на земле и на небе (19–21), два состояния – свет и тьма (22–23), два господина – Бог и маммона³ (24), две заботы – телесная и Царство Божье (24–25) – и повеления собирать сокровища на небе, а не на земле, то есть не ставить на первое место заботы о пище и одежде. Заканчивается эта часть проповеди призывом-обобщением, по структуре

³ Маммона – транслитерация арамейского слова, обозначающего благосостояние.

аналогичным завершающей фразе первой части: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (6:33).

Третья часть проповеди, занимающая часть седьмой главы (1–20), продолжает формулирование новых этических законов. Однако если вторая часть была посвящена, условно скажем, более «человеку в себе», то в третьей части совершенно логично говорится о «человеке среди людей»: речь идёт о взаимоотношениях христианина с окружающими – с братьями, с людьми вообще, с лжепророками и с самим Иисусом Христом. Проповедник провозглашает недопустимость осуждения ближнего, необходимость придерживаться здравого смысла в общении с окружающими, обязательность реагирования на нужды других людей.

В заключении (7:15–27) проповедник рассуждает о возможном отношении к Нему (предупреждает о лжепророках, прикрывающихся его именем (15–20)) и его словам (говорит о словесном исповедании Его имени (21–23) и интеллектуальном восприятии его истин (24–27)). Последняя притча в проповеди поясняет главный вывод, к которому подводится аудитория: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному...» (7:24).

Таким образом, смысловая особенность Нагорной проповеди состоит в том, что Иисус Христос в ней призывает заменить внешнюю пустоту внутренним богатством, побуждает перейти от внешней праведности поступков к внутренней праведности мыслей и желаний. Смысловой каркас проповеди отличается логичностью и стройностью.

С точки зрения структуры проповедь соразмерна, построена по всем законам риторики: чётко обозначенные содержательно вступление и заключение занимают одну треть всей речи, главная часть легко делится на три подчасти. Именно о таком требовании к построению речи говорили основоположник риторики грек Аристотель и прославленный оратор-римлянин Цицерон, ушедший из жизни за 30 лет до рождения Иисуса Христа. Позже «закон золотого сечения» публичной речи был сформулирован итальянцем Леонардо да Винчи. Наконец, общая пятичастная структура Нагорной проповеди и её внутреннее членение отвечают открытому в 60-е годы XX века американским психологом Джоном Миллером «магическому числу» – 7 ± 2 : при восприятии речи (устной или письменной) для оперативной памяти имеет значение не только содержание и способ подачи речи, но и число блоков информации; это число постоянно и равно 7 ± 2 .

Диалогичность Нагорной проповеди

Как известно, термин «диалог», как и слова «диалогический», «диалогичность», в риторике – классической и современной – означают не только и не столько форму речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами, сколько утверждают отношения между адресантом и адресатом в речевой ситуации: говорящий и слушатель (слушатели) являются лицами деятельными независимо от степени формальной диалогичности их речевого поведения. Субъект-субъектные отношения в речевом общении проявляются во взаимном интересе коммуникантов друг к другу, в уважении точки зрения собеседника, в предоставлении ему права на иной взгляд.

Современная риторика в качестве основного закона речевого поведения коммуникантов постулирует закон гармонизирующего диалога, классическая риторика тоже во все времена утверждала, что при диалогическом по сути способе общения для

говорящего (выступающего) главными в речевой ситуации являются слушатели: им произносится речь, для них говорящий имеет идеи, им он подбирает нужные слова, наконец, с ними он заводит разговор. Недаром тысячелетия назад Аристотель начал свой трактат «Риторика» именно с рассмотрения речевой ситуации и утверждал, что «слушатель и есть конечная цель всего» [1, с. 24]. И задача говорящего при диалогическом стиле общения, по словам русского философа XIX века В.Ф. Одоевского, – «пробудить в слушателе собственное внутреннее слово».

Ориентация Иисуса Христа на адресата – своих избранных учеников – проявляется, во-первых, в хорошем знании слушателей. Можно представить «социальный портрет» учеников Иисуса Христа, которые слушали проповедь на горе. Это бывшие рыбаки – Симон-Пётр, Андрей, Иаков и Иоанн, бывший мытарь Матфей. Остальные – тоже люди из простого сословия, необразованные иудеи. Иисус Христос говорит о привычных им вещах, опирается на те факты и образы, которые взяты из жизненно важных и доступных для понимания слушателей областей: о молитве, посте, милостыне и жертвах, о соли, о деревьях и т.д. Проповедник отсылает их к хорошо известному: упоминает Соломона (6:29), закон и пророков (7:12), ссылается на Писание (5:21, 27, 33), повторяя заповеди, известные иудеям по Книгам Исход (гл. 20) и Второзаконие (гл. 5).

Важно заметить, что Иисус Христос ободряет своих недавно избранных учеников, сравнивая их с пророками («...так гнали и пророков, бывших прежде вас» (5:12)). Во время, когда на учеников возлагается большая ответственность, Иисус Христос своим сравнением бросает им вызов, даёт им своеобразный аванс. Это не только правило риторической вежливости, это истинно по-христиански – воодушевить людей, показать им их потенциальные возможности. Несомненно, то, что Иисус Христос сравнил учеников с пророками, а затем назвал «солью» и «светом» мира, могло побудить их распрямить плечи и высоко поднять голову, ощутив себя людьми, получившими ответственное поручение.

Ещё один принцип, реализующий ориентацию речи на адресата, – это конкретность, которая проявляется через примеры, приводимые говорящим для подтверждения своих мыслей. Всегда считалось, что чем речь конкретнее, тем легче адресату слушать говорящего, тем более он усвоит, запомнит, поймёт, ведь он сможет «увидеть» речь своим внутренним взором. Например, иллюстрация отказа от возмездия отражает четыре различные жизненные ситуации: «Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (5:38–42). Как видим, каждая ситуация вводит лицо (контекстуально – «человека злого»), которое пытается обидеть (понимай: нас, тебя – сочетаются «ты» и «вы»): один бьёт по лицу, другой подаёт в суд, третий пользуется нашими услугами, четвёртый выпрашивает деньги. Эти примеры имеют обобщённый характер: они вне времени и пространства. Так иллюстрируется принцип беззаветной любви человека к человеку, который должен отказаться от мщения, если любит своего ближнего.

Этими приёмами реализуется риторический принцип, провозглашённый классической риторикой во времена Аристотеля и Цицерона и утверждаемый современной риторикой, – принцип близости содержания речи интересам и жизни адресата.

В Нагорной проповеди заметна не только внутренняя, неформальная диалогичность общения, но явственно выступает и внешняя. Риторика называет отмеченные далее приёмы приёмами диалогизации монологической по форме речи.

Проповедь изобилует риторическими вопросами, реализующими прямую адресацию к слушателям. Например: «Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (5:46–47). Риторических вопросов в Нагорной проповеди более десяти. Есть и риторические вопросы, задаваемые от лица слушателей: «Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» (7:22).

Встречаются и другие приёмы, рассчитанные на мыслительную реакцию собеседника: вопросно-ответная форма речи («Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые...» (7:16–17)), косвенные обращения к слушателям («Вы слышали, что сказано древним...» (5:21)); так называемые «приглашающие императивы» («Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем...» (6:1)) и др.

Учеников (слушателей) немного, поэтому в речи проповедующего логично сочетание коммуникативно-контактных формул «ты» и «вы»: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники...» (6:6–7). Обращение на «ты» в публичной речи – это один из риторических способов интимизации высказывания.

Все эти внутренние и внешние риторические приёмы организации речи не могли не производить впечатление, в результате слушающие речь Иисуса Христа, несомненно, думали, мысленно соглашались или возражали, оценивали речь, её смысл и оратора, готовились к принятию решения, делали выводы – словом, тоже действовали.

Таким образом, внимательное прочтение Нагорной проповеди взглядом ратора позволяет сделать вывод: несмотря на преобладающий в то время в Римской империи монологический риторический идеал, организующим принципом монологического по форме речевого поведения Иисуса Христа является диалогичность.

Убеждающий аспект Нагорной проповеди

Риторика утверждает, что истинно диалогическое отношение к собеседнику (одному или аудитории) в речи проявляется ещё и в том, что говорящий не просто излагает известные ему истины, а считает нужным объяснять и аргументировать свои позиции, может быть, даже убеждать в своих позициях слушателей.

В Словаре русского языка сказано, что проповедь – это «речь религиозно-назидательного характера», а проповедовать обозначает «распространять какое-либо вероучение, излагая, *объясняя* (выделено нами – Г.П.) его слушателям» [10, Т. 3, с. 512]. В словаре В.И. Даля в трактовке понятий «проповедь» и «проповедовать» отмечены не только назидание (наставление) и объяснение, но и другие составляющие проповеди. У В.И. Даля проповедь – это «поученье, речь, духовное слово, наставление священника пастве в церкви либо народно, в ином месте», а проповедовать – «говорить всенародно, возвещать, провозглашать; поучать, взывать к слушателям речью, *убеждая* (выделено нами – Г.П.) и наставляя» [4, Т. 3, с. 503].

Риторика всегда рассматривала аргументацию как направленную деятельность, имеющую цель усилить или ослабить чьи-то убеждения, предполагающую активную реакцию другой стороны на приведённые доводы. Более 30 раз Иисус Христос использует прямое доказательство высказываемых истин с использованием языковой формулы «потому что» или «ибо»: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (5:5–6), «А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; Ни землёю, потому что она подножие ног Его: ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; Ни головою твою не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным» (5:34–36) и др.

Среди доказательств есть утверждающие доказательства: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (5:10). Есть доказательства с развёрнутым объяснением: «Миришь с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу» (5:25). В некоторых доказательствах есть сравнения: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (6:16). Есть аргумент *a fortiori* – «насколько больше»: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (7:9–11).

В проповеди использована и универсальная (в современной классификации теории аргументации) эмпирическая аргументация, например, аргумент к здравому смыслу: «И зажегши сечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (5:15); и неуниверсальная аргументация, например, аргумент к авторитету: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (7:12).

Есть в проповеди отдельные утверждения, которые не имеют доказательств или пояснений, к таковым мы относим призыв проповедника собирать себе «сокровища на небе» (6:20). Несомненно, такое утверждение предполагало, что слушатели – Его ученики, верующие в Бога, – смогут сами догадаться: в сравнении с тленными сокровищами на земле (6:19) «сокровища на небе» – это нечто нетленное. Думается, Иисус в данном случае имел в виду вовсе не «сокровищницу заслуг», как впоследствии назвала это учение средневековая римско-католическая церковь: человек может с помощью добрых дел, совершённых на земле, накопить нечто вроде кредита на небе. Речь, конечно же, шла в первую очередь о совершенствовании человеком своей личности в неустанном стремлении быть подобным Христу, так как всё, что человек может взять с собой на небеса, – это он сам. Отсутствие в данном случае каких бы то ни было видимых пояснений, на наш взгляд, компенсируется всем контекстом Нагорной проповеди.

В целом же речь имеет форму рассуждения-доказательства. Покажем это на примере отрывка из второй части проповеди – 6:25–33. Этот отрывок продолжает рассуждения о возможном выборе человека (6:19–24): человек хочет копить сокровища – но что будет храниться дольше? Человек хочет быть свободным и целенаправленным в своих действиях – какими же должны быть его глаза, чтобы это обеспечить? Он желает служить лучшему господину – тогда надо подумать, кто

достоин преданности. Лишь когда может быть сделан выбор в пользу сокровища небесного, в пользу света и Бога, Иисус Христос предлагает следующий тезис: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться», который завершает риторическим вопросом: «Душа не больше ли пищи, и тело – одежды?» Затем приводит сравнение, поясняющее и доказывающее часть тезиса (о еде), которое опять-таки завершает риторическим вопросом: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Следующий стих содержит подтверждение тезиса в форме риторического вопроса: «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть?» Затем переходит к доказательству второй части тезиса (об одежде), также приводя сравнение, начинающееся риторическим вопросом: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». Затем следует вывод в форме эмоционального восклицания: «Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы!» Далее делается вывод по двум позициям первоначального тезиса: «Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или «во что одеться?», сопровождающийся, во-первых, аргументом-«антипримером» («Потому что всего этого ищут и язычники...»), и, во-вторых, самым сильным аргументом («...и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом»). Завершается этот блок рассуждений призывом: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам».

На фоне внешне спокойного – акустического, интонационного – рисунка речи отдельные части проповеди, подобные этой, можно субъективно расценить как эмоциональные всплески. См. также 7:15–20 и др.

В конце проповеди, где по закону риторики должно быть резюмирование сказанного, находится известная христианам даже вне контекста метафорическая притча о благоразумном и безрассудном строителях: один построил свой дом на камне, другой – на песке. Примечательно, что оба дома подверглись одинаковым воздействиям («И пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились (налегли) на дом тот...» (7:25, 27)), но первый дом устоял, а другой был разрушен. Проповедник не делает вывод, но смысл этой антитетической притчи в конце проповеди прочитывается прозрачно: всякий, кто услышал данные сейчас заповеди, но не будет следовать им в своей внутренней и внешней жизни, будет трудиться напрасно.

Особенности стиля Нагорной проповеди

В Нагорной проповеди логично сочетаются разные регистры речи – части текста (размером от части предложения до группы предложений), отражающие способ восприятия мира говорящим или пишущим, функционально различающиеся в структуре высказывания и поэтому с точки зрения современной лингвистики являющиеся способами его организации. Как истинный учитель, Иисус Христос поднимается над представлениями о конкретно наблюдаемой действительности, которые порождаются прямым сенсорным восприятием и проявляются в речи через изобразительный регистр (почему Иисус Христос его и не использует), и выражает свою позицию по отношению к явлениям действительности, что характерно для информативного регистра речи: например, «Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (7:8); «Никто не может служить двум господам: ибо

или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (6:24); «...где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (6:21) и др.

Для обобщающего регистра речи Иисуса Христа характерны утверждения об общечеловеческих свойствах, присущих всем или многим людям, о закономерностях, действующих во все времена: Бог «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (5:45), «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (7:19) и др. Обобщающий регистр реализует высшую степень абстрагирования мысли от хронотопа (времени и места) текста, почему Нагорная проповедь актуальна и по сей день.

Однако основным регистром в проповеди является воле-изъявительный: говорящий выражает (изъявляет) свою волю, побуждает адресата к действию, к желательному для него изменению положения. Это оправданно: во все времена признавалось, что с помощью слова можно управлять поведением людей, сегодня это утверждает лингвопрагматика. В соответствии с целью проповеди основным типом речевого действия Иисуса является воздействие, в частности побуждение слушателей к изменению принципов поведения. В основном это выражается прямыми указаниями, выраженными в русском переводе побудительными предложениями с глаголами в повелительном наклонении: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (7:12); «Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (5:23–24); «Да будете сынами Отца вашего Небесного...» (5:45); «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (5:16) и др.

Всего в 107 стихах Нагорной проповеди использовано 58 глаголов в повелительном наклонении, то есть каждый второй стих имеет волеизъявительную окраску: он содержит или повеление (в 38 случаях), или запрещение (20). Так в речи реализуется право учителя учить.

Примечательно, что проповедь начинается с общих утверждений («Блаженны кроткие...» (5:5)), затем Иисус Христос использует 2-е лицо («Вы – соль земли...» (5:13)), а в главной части переходит на авторитетное 1-е лицо и начинает употреблять особую формулу – «истинно говорю вам» или «говорю вам», используя её более десяти раз на протяжении проповеди.

Речь Иисуса Христа в полной мере реализует принципы современной ему римской риторики – риторики Цицерона, в которой смысловая насыщенность и логичность сосуществуют с изысканными и много-численными «цветами красноречия» – риторическими тропами и фигурами.

Если говорящий воспринимает слушателей как живых, чувствующих людей, следовательно, он будет стремиться затронуть их эмоциональную сферу. Иисус Христос давал ученикам не богословский трактат и не академическое исследование, рассчитанное лишь на стимуляцию ума. Он желал затронуть и их чувства. Так поступал и мудрый иудейский царь Соломон, которому приписывают авторство Книги Екклезиаста: «Старался Екклезиаст приискивать изящные изречения...» (Ек. 12:10).

Нельзя не заметить, что проповедь метафорична – основана на мыслительных операциях аналогического типа. «Слагать хорошие метафоры, – говорил Аристотель, – значит подмечать сходства в природе». В проповеди есть немного метафорических

эпитетов («чистые сердцем» (5:8), «тесные врата» (7:14), «плоды добрые, худые» (7:17) и др. Номинативные метафоры, содержащие глубочайший смысл, есть во всех частях проповеди – от введения до заключения: «нищие духом» (5:3), «волки в овечьей шкуре» (7:15) и др. Уже во вступлении проповедник использует две ярчайших параллельных метафоры: «Вы – соль...», «Вы – свет...» (5:13, 14). Иисус Христос не делает специальных пояснений, так как соль и свет являлись (и являются до сих пор) неотъемлемой принадлежностью домашнего хозяйства, и об их функциях хорошо знали слушатели, поэтому данная метафора была им понятна: подобно тому как соль сохраняет продукты от гниения, а свет делает всё видимым, последователи Иисуса Христа – христиане – должны препятствовать разложению человеческого общества и нести в мир свет истины. Однако к этим утверждающим словам проповедник добавляет условия: соль не должна быть обессолена (в греч. – сделана глупой), а должна сохранять свою солёность, свет же должен быть виден всем.

Наиболее насыщена метафорами третья часть проповеди. Здесь содержится несколько метафор – о добром и худом дереве (7:17–19), о широких и узких вратах (7:13–14), о доме на песке и на камне (7:24–27). Эти антитетические метафоры, прозвучавшие как ответ любителям *via media* (с лат. «путь по середине»), радикально подчеркивают существование одного-единственного шанса быть угодным Богу: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (7:13–14). Смысл метафоры таков: существуют два пути – тяжёлый и лёгкий (промежуточного пути нет), ведут к ним двое врат – широкие и тесные (иных нет), движутся по ним две толпы – большая и маленькая (нейтральной группы нет) и заканчиваются эти пути двояко – разрушением и жизнью (третьего варианта не существует). Как видим, о чём бы Иисус Христос ни говорил, он говорил уверенно, показывая альтернативные варианты поведения, но указывая слушателям только на один единственно верный. Ясно, что проповеднику чужд был синкретизм, согласно которому противоположные мнения являются всего лишь взаимодополняющими видениями одной и той же истины.

В проповеди есть несколько ярких фитонимных метафор, в основе которых лежат базисные образы, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором всё происходит из-за каких-либо семян или зёрен, имеет свои корни и приносит плоды, рождается и умирает в соответствии с естественными циклами жизни. Человек, наблюдая жизнь растений, лучше понимает свою жизнь. В конце Нагорной проповеди ярко выделяется фитонимная метафора с элементом плода. Она следует за метафорой об овцах и волках – «волки хищные» могут прийти «в овечьей одежде» (7:15). Но если волк может замаскироваться, то дерево – нет. Здесь проповедник говорит о средствах, с помощью которых можно различить лжепророка: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы (в греч. – с колючего растения)? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их» (7:16–20). Элемент «плод» в метафоре – это всегда символ результатов, итогов. Деревом определяется не только характер плода (смоковница, приносящая смоквы, и виноградная лоза, приносящая виноград), но и его качество («всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (7:17)). Чтобы подчеркнуть способ различения

лжепророков, Иисус Христос использует риторический приём буквального повтора: «По плодам их узнаете их» (7:16, 20).

Смысловое напряжение проповеди – абсолютная категоричность провозглашаемых заповедей – побуждает говорящего использовать гиперболические вкрапления: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя...» (5:29); «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя...» (5:30), «...пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (6:3) и др. Интересно, что в Евангелии от Матфея (18:8, 9), говоря о соблазнах, Иисус Христос повторил эти же слова, добавив к ним требование отсечь и ногу. Безусловно, Иисус Христос ратовал не за буквальные физические увечья, как понял это в I в. н.э. учёный Ориген Александрийский, в результате чего довёл себя до крайностей аскетизма, но за неустанным нравственным самоотвержением. Таким образом Иисус Христос учил Своих учеников пути святости, которая включает в себя не просто отказ от угодения плоти, но умерщвление её.

Есть несколько выражений, которые в русском переводе сегодня воспринимаются как разговорные: «...когда творишь милостыню, не труби перед собою...» (6:2), «выбросить её вон...» – о соли, потерявшей солёность (5:13) и др.

Сознательная неровность стилистической окраски проповеди особенно ярко заметна в начале третьей части. Сразу после призыва проповедника к конструктивным братским отношениям следуют резкие слова о «псах» и «свиньях» среди окружающих людей: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (7:6). Эти нелюбимые метафорические слова проповедника были хорошо понятны ученикам-евреям (евреи никогда не дадут «святой» – возможно, жертвенной – пищи нечистым псам и не помыслят бросить что-либо драгоценное нечистому животному – свинье) и обеспечивали здоровый баланс в смысловом рисунке проповеди: если мы прежде удалим бревно из своего глаза, то сможем ясно увидеть, как убрать сучок из глаза брата своего, но есть люди, которые не способны оценить наши усилия, они «одержимы неизлечимым нечестием» [6, с. 86], их природа неисправима, поэтому надо иметь мудрость в отношениях с такими людьми, не следует напрасно говорить о чём-либо и доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это; не следует говорить о возвышенном низким людям. В церковнославянской Библии на месте греческого слова «жемчуга» переводчики использовали слово «бисер», отсюда и фразеологическое выражение, существующее в современном русском языке, – «метать бисер перед свиньями».

Смысловая насыщенность Нагорной проповеди Иисуса Христа высока, а язык столь отточен, что многие выражения из неё впоследствии стали афоризмами. В современном Словаре фразеологизмов [5] отмечено более двадцати устойчивых выражения, корни которых – в Нагорной проповеди Иисуса Христа. Среди них больше всего непредикативных оборотов, соотносимых со словосочетаниями: волк в овечьей шкуре (7:15), злоба дня (6:34), как птицы небесные (6:26), как «Отче наш» (6:9–13), метать бисер перед свиньями (7:6), непротивление злу насилеи (5:39), нищие духом (5:3), служить мамоне (6:24), соль земли (5:13), строить на песке (7:26), с чистым сердцем (5:8), хлеб насущный (6:11), подставить левую щеку (5:39).

Есть в проповеди и фразеологизмы в форме предикативных единиц, то есть предложений, которые в пословично-афористичной форме выражают всевозможные наставления, советы, нравоучения, предостережения, запреты, предписания,

увещевания, пожелания и т. п.: блаженны миротворцы (5:9), блаженны нищие духом (5:3), в чужом глазу сучок не видеть, а в своём и бревна не замечать (7:3), ищите и обрящите (7:7), кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую (5:39), левая рука не знает, что делает правая (6:3), не судите, да не судимы будете (7:1), птицы небесные не жнут, не сеют, а сыты бывают (6:26), толцые, и отверзется (7:7), хлеб наш насущный даждь нам днесь (6:11).

В результате небольшая по объёму речь Иисуса Христа оказала огромное впечатление на многочисленных слушателей (вероятно, люди из огромной толпы всё-таки присоединились к ученикам), так как после передачи содержания проповеди евангелист Матфей пишет: «И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился (в греческом – поражался) учению Его, Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (7:28–29). В данном контексте выражение «власть имеющий» в противопоставлении с деятельностью фарисеев и книжников обозначает власть Иисуса Христа как носителя божественного слова и закона, но нельзя не отметить, что риторика во все времена утверждала: в любой сфере жизни получающий право на публичную речь получает и право на власть над слушателями, к которым он обращает своё слово⁴. Несомненно, Иисус Христос повлиял на слушателей и содержанием Своих наставлений, и «учительской» манерой изложения. Не случайно позже апостол Павел напишет о себе: «...я смело проповедывал, как мне должно» (Еф. 6:20) и адресует своим молодым соратникам Тимофею и Титу наставление: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещавай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. 4:2); «Сие говори, увещавай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя» (Тит. 2:15).

Заключение

«Учительная» проповедь Иисуса Христа две тысячи лет назад была адресована нескольким ученикам. Однако воздействие её оказалось настолько сильным, что церковь, будучи вначале малым, неприметным для остального мира религиозным обществом, представленным малочисленной группой некнижных галилейских рыбаков, распространилась в течение двух столетий по всему тогдашнему миру – от дикой Скифии до знойной Африки и от далёкой Британии до таинственной Индии.

Наблюдения над речевым поведением Иисуса Христа в Нагорной проповеди побуждают размышлять о сути педагогического общения, о нравственных ценностях и риторических принципах, которые лежат в его основе. Наше исследование подтверждает исследование А.К. Михальской, утверждающей, что Иисусу Христу в Нагорной проповеди характерен риторический идеал, утверждающий принципы общения на основе гармонизации отношений субъектов общения. Риторическая парадигма Нагорной проповеди включает в себя диалогичность отношений говорящего и слушателей в монологической речи, проявившуюся через множество конкретных примеров, обилие доказательств, различные средства формальной диалогизации

⁴А.А. Волков (см. Теория риторической аргументации. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 42) утверждает, что гомилетика, представляя собой принципиально новое явление в истории культуры, отличается от оратории строением речи и образом ратора. Соглашаясь с уважаемым теоретиком риторики в отношении образа ратора (проповедника, духовного наставника), думаем, что гомилетика, будучи составляющей оратории, следует общериторическим законам, в частности тем, которые касаются и позиции говорящего, и строения речи.

монологической речи; динамичность и чёткость структурного движения речи; образность речи.

Выводы, сделанные на основе анализа евангельского текста, на наш взгляд, помогут конструированию современного педагогико-рито-рического идеала, включающего в себя основные черты христианского «учительной» речи. «Концептуальные основы этого риторического идеала были заложены Сократом, отчасти восприняты Цицероном, затем ранним христианством и были в значительной степени развиты впоследствии в отечественной православной культуре» [8, с. 11–12]. Будучи христианами, относящими любое библейское слово к себе, во время чтения Нагорной проповеди мы ощущаем любовь и мир – и это есть эмоционально-психологический результат успешного речевого общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 350 с.
2. Библия. Книги Священного Писания. Ветхий и Новый Завет. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. – Изд. 2-е. – М. : СЕП и СМИ, 1988.
3. Волков, А.А. Теория риторической аргументации / А.А. Волков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 372 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В.И. Даль. – М. : «Русский язык», 1981.
5. Дубровина, К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
6. Зигабен, Е. Толкование Евангелия от Матфея и толкование Евангелия от Иоанна, составленные по древним святоотеческим толкованиям византийским, XII века, учёным монахом Евфимием Зигабеном / Е. Зигабен ; пер. с греч. – СПб. : «Общество святителя ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО», 2000. – 640 с.
7. Михальская, А.К. Тексты Нового Завета // Педагогическая риторика / А.К. Михальская. – М. : Изд. центр «Академия», 1998. – С. 93–100.
8. Михальская, А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А.К. Михальская. – М. : Изд. центр «Академия». 1996. – 192 с.
9. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. – СПб., 2003.
10. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : «Русский язык», 1984.

Pisaruk G.V. Rhetoric Analysis of Jesus Christ's Sermon on the Mount as a «Teaching» King of Speech

The article presents a rhetoric analysis of Jesus Christ's Sermon on the Mount (Bible, New Testament, Matthew, chapters 5–7). It includes the definition of general rhetoric principles of a «teaching» kind of speech; describes the elements of rhetoric tactics realizing the dialogue nature of communication between the speaker and the addressee in oral monologue speech as well as the persuasive aspect of his speech behavior, and reveals the stylistic peculiarities of the speech.

The analysis may be of use for structuring modern pedagogical rhetoric.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.03.2011